

Газета "Аргументы и факты". Интервью со следователем Зареченского межрайонного следственного отдела Александрой Макаровой

В паутине преступлений

Зачем следователю веревка и пила?

25 июля в России отмечали День работника следственных органов – профессии, большинству из нас знакомой только по криминальным сериалам и такому же кино. Насколько сильно реальность отличается от вымысла, почему женщины сейчас все чаще надевают мундиры, и что хранится в следственном чемоданчике – об этом и многом другом корреспондент «АиФ» поговорил со следователем

Зареченского межрайонного следственного отдела СУ СК России по Пензенской области
Александрой Макаровой.

Сплошная экономика

– Александра Александровна, женщина в погонах – явление уже не уникальное, но по-прежнему редкое. Как вы попали в профессию?

– Я училась на юридическом факультете в ПГУ. И в какой-то момент поняла, что не хочу становиться ни адвокатом, ни нотариусом. После недолгих размышлений выбрала профессию следователя. Да, это очень сложно. Да, это выматывает – и физически и психологически. Но тем не менее скоро будет полтора года как я работаю в органах. А до этого я еще девять месяцев была общественником, работала на добровольных началах. – И за все это время у меня ни разу не возникало желания уйти.

– А много ли вообще женщин работает сейчас в следственных органах?

– Когда я на четвертом курсе института пришла сюда в качестве помощника, очень мало. В составе следователей по особо важным делам, например, работала всего одна женщина. Сейчас стало больше.

– Объем работы большой? Сколько дел у вас может одновременно находиться в производстве?

– Конкретно сейчас – четыре, одно из них трехэпизодное. А вообще бывало и до семи.

– С какими категориями преступлений вам приходится сталкиваться? Есть ли среди них такие, работа над которыми дается особенно тяжело?

– Я расследую очень широкий круг дел – от преступлений небольшой тяжести до особо тяжких (убийства, изнасилования и т.п.). Чаше всего, как ни странно, приходится иметь дело с оскорблениями сотрудников правоохранительных органов. Но это специфика территории. В городе, например, преобладают экономические и должностные преступления – там просто есть кому их совершать. В районе – нет.

Тяжелее всего, конечно, расследовать дела, связанные с сексуальным насилием над несовершеннолетними. С психологической точки зрения тяжело. С детьми, пострадавшими от рук взрослых, ведь нужно найти общий язык. Необходимо найти к ним подход – и при этом не напугать их, не травмировать еще сильнее. Конечно, мы стараемся относиться к их беде отстраненно. Просто потому, что все пропускать через себя нельзя, сердце не выдержит. Но не всегда получается.

– А было какое-то дело, которое вам особенно запомнилось? Может быть, самое сложное? Или самое тяжелое с моральной точки зрения?

– Наверное, одно из самых первых – как раз-таки об изнасиловании одиннадцатилетней девочки. Я на тот момент проработала следователем всего-то два месяца. И, во-первых, не успела до конца разобраться со всеми нюансами профессии, а во-вторых – не научилась отстраняться. Все чужие слезы, все горе принимала близко к сердцу.

Но в итоге мы с этой девочкой все же нашли общий язык. Я просто попыталась подойти к ней не как взрослая тетя, которой нужно сделать свою работу, а как... подруга. Вспомнила себя в одиннадцать лет – какие книжки читала, какие мультфильмы смотрела. Посадила девочку рядом, на краешек своего стула. Предложила посекретничать: «мы же с тобой обе девочки. Нам же нужно наказать дядю, который тебя обидел, верно?». И девочка поняла – я не враг, я не желаю ей плохого.

А что касается самого сложного в техническом плане, то это, пожалуй, дело об убийстве рыбака близ села Кучки – вы его наверняка помните, оно вот только недавно расследовалось.

Было очень много фигурантов – там компания, тут компания, показания постоянно менялись, обвиняемый путался в своих словах. Мы провели порядка восьми очных ставок, семь экспертиз – словом, работы пришлось проделать очень много. Хорошо, что рядом постоянно были старшие коллеги.

В группе риска – девочки

– Кстати, в последнее время в СМИ тема педофилии поднимается особенно часто. Что происходит? Общество на самом деле переживает «педофильный бум»?

– Вы знаете, я бы не сказала, что таких преступлений сейчас становится больше. Скорее, общество обращает на них больше внимания, они активнее освещаются в СМИ. По моему участку, например, статистика такова: за год мы регистрируем три-четыре случая насилия над детьми.

– Кто, как правило, решается на подобное зверство? Это люди с какими-то психическими отклонениями? Может быть, ранее судимые, рецидивисты?

– Далеко не всегда. Это, пожалуй, самое парадоксальное – очень часто такие преступления совершают обычные, ничем не примечательные люди. У меня было два таких случая – за изнасилование несовершеннолетних привлекали мужчин, которых психиатрическая экспертиза признала не только абсолютно вменяемыми, но и более того – вообще не склонными к педофилии. Никто не ожидал от них ничего подобного – ни родственники, ни друзья.

– Что же подтолкнуло их на преступление?

– Алкоголь. Как правило, такие люди действуют, находясь в состоянии алкогольного опьянения. И оправдываются потом одинаково: «вино ударило в голову. А что было дальше – не помню. Почему совершил то, что совершил – не понимаю».

– А кто чаще всего становится жертвами насилия – мальчики или девочки?

– На моей практике – девочки в возрасте от семи до четырнадцати лет. Просто потому, что девочки более доверчивые, более открытые, их легче завлечь, обмануть.

И никакой волшебной кнопки

– Я думаю, вы не будете спорить – большинству образ следователя известен только по криминальным сериалам и фильмам. А там это крутой человек, который сам преступника вычислил, сам арестовал, сам обвинил, приговорил и посадил. А как происходит на самом деле?

– На самом деле следователь работает в тесной связке со множеством структур. Это и участковые, и оперативники, если дело происходит в районах – администрации и сельсоветы. Если речь идет о незаконном обороте наркотиков, в дело вступает УФСН, если об экономических правонарушениях – Росфинмониторинг и так далее. Другими словами, за каждым раскрытым преступлением стоит четкая и слаженная работа множества организаций. А следователь, получается, их координирует – запрашивает сведения, дает поручения, обрабатывает информацию и делает выводы.

– *А есть какой-то стереотип из сериалов или фильмов, который вас раздражает или смешит?*

– Я не смотрю телевизор – мне и на работе криминала хватает, зачем тащить его в дом? А вот мама у меня очень любит сериал «След». Вы знаете, временами даже завидно становится – там преступления, на которые в реальности потребовалось бы бросить силы всего Следственного комитета, распутываются всего одним нажатием кнопки. Вот бы нам такую кнопку.

Это интересно

У каждого следователя есть «следственный чемоданчик». По факту – обычная непромокаемая сумка, в которой находится инструментарий для работы на месте происшествия. Помимо стандартных перчаток и ватных тампонов в него входит:

- Ампулы с дистиллированной водой – чтобы брать смывы с поверхностей;
- Рулон фольги – в нее заворачивают улики для сохранения запаховых следов;
- Линейки всех видов, форм и размеров;
- Ножницы с мотком бечевки;
- Маленькая ножовка – с ее помощью делаются спилы с поверхностей (например, с забрызганной кровью доски).

Досье

Александра Александровна Макарова. Родилась в 1990 году в Пензе. Окончила Пензенский государственный университет по специальности «Юриспруденция». С 2014 года работает следователем зареченского межрайонного следственного отдела СУ СК России по Пензенской области.

Официальный сайт

Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Пензенской области

29 Июля 2015

Адрес страницы: <https://penza.sledcom.ru/folder/879102/item/961301>